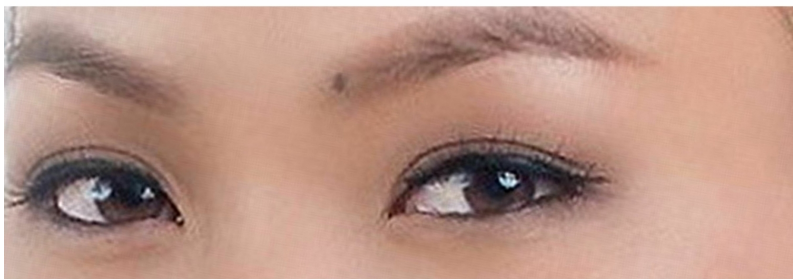

Анастасия Ковалева

Монголия:

Неузкий взгляд

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Анастасия Ковалева
Монголия. Неузкий взгляд

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=37941232

SelfPub; 2024

Аннотация

Путешествие через Уральские горы, Алтай, Казахстан, Монголию, Бурятию. Исследование азиатской культуры изнутри. Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1. Дорога в Монголию	6
Глава 2. Уральские буддисты	8
На горе Качканар	13
Тагил рулит!	19
Глава 3. Бедный Омск	21
Глава 4. Казахстан	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Анастасия Ковалева

Монголия. Неузкий взгляд

Каждый путешественник в какой-то момент превращается в гонщика. Больше километров, больше городов, больше стран! Чтобы этого не произошло, нужно прислушиваться к своим чувствам и мыслям.

Первый раз я отправилась в путь, потому что мне очень хотелось увидеть море. Я выросла в степи. Ближайшее море было за семь тысяч километров от меня. Я пыталась заработать денег на билет, но в моём умирающем городе это оказалось невозможно: если и удавалось хоть сколько-то заработать, всё уходило на жильё, одежду и еду.

Три дня в пути – и я на Байкале. Две недели – в Москве. Неделя – на Черном море. Познакомилась с другими путешественниками. Они хвастались, сколько стран объездили, сколько городов. Я завидовала, потому что в моем багажнике было всего несколько городов одной страны и один город в другой – это и путешествием не считается. Стали появляться мысли: съездить в Саратов, не потому, что хочется, а потому что я там еще не была. Не исследовала. Нужно закрасить еще одну область. Еще несколько стран, чтобы прочертить линию на карте мира маркером и гордо повесить на стене.

Ездить по одним и тем же дорогам надоедает. Но всегда есть места, в которые хочется возвращаться, и места, куда хо-

чется поехать. Чтобы найти душевный покой и равновесие.

Глава 1. Дорога в Монголию

14 февраля. Санкт-Петербург. Аэропорт “Пулково”

В день влюбленных на самолёты скидки. Хорошая акция для тех, у кого нет любимых. Первый раз в жизни иду на самолет. Одна. Провожать меня, как обычно, некому. Впрочем, я привыкла. Приехала за полчаса до вылета. Регистрация уже заканчивалась, и сдать багаж я не успела. Я взяла с собой два ножа (один отдать, второй специально купила, чтоб хлеб/консервы резать. На самолет меня с ними не пустили. Даже ножниц лишили! Это были отличные ножницы, для кройки и шитья.

Всё заставили выбросить. Минусы одиночного путешествия, м-да... или скорее моей глупости. Распрощавшись с частью снаряжения, я села в самолет. И приземлилась в Екатеринбурге. Пассажиры при посадке хлопали в ладоши, мне это казалось глупым. Меня встретил друг, у которого я осталась погостить на два дня с намерением посетить буддийский монастырь “Шад Тчуп Линг”, что находится в Уральских горах. Туда я хотела попасть с тех пор, как узнала от послушника Димы из Усть-Орды, с которым познакомилась в Доме Хороших Людей летом прошлого года. Все, кому я говорила о своем намерении, от посещения меня отговаривали. О попутчиках не могло быть и речи.

Что ж, мне не привыкать. Шестнадцатого февраля в восемь утра я взяла рюкзак, в котором был только спальник и 150 рублей на дорогу, и отправилась в путь. На маршрутке “111А” доехала до Верхней Пышмы, оттуда километр до трассы. Но я – человек ленивый, потому не шла, а ехала до развязки, застопив легковушку.

Глава 2. Уральские буддисты

На трассе поймала микроавтобус газовиков, которые ехали на озеро Тихвин к начальству. Мужики рассказали много интересного о своей работе. В короткий отпуск их обязывают отдыхать в корпоративном санатории, где, о несчастье, нельзя бухать! Иначе выгонят.

– А Вы пили?

– Да, но втихушку.

Также от них я узнала о падающей башне в Невьянске, куда сразу же захотела поехать.

Попрощались на развилке, и я быстро застопила фуру Scania. Водитель – из Челябинска. Мы разговаривали с ним на разных языках, и я не всегда его понимала.

– Куда едешь?

– В монастырь к буддистам.

– Там корешки твои?

– Кто?

Парень остановился у Невьянска попить чаю, и предложил мне присоединиться. Я решила, что раз подвернулся случай, почему бы не заехать в город – посмотреть на башню. От чая отказалась из соображений безопасности и экономии времени, перелезла через заправку и свернула на мост.

На объездной машин мало. Стою с вытянутой рукой.

Останавливается... похоронная машина! Открывают заднюю дверь, там – гроб, возле него женщина в платке. И тут я – как праздник жизни, в веселой желтой шапке, с яркими полосами светоотражателей и счастливая, что поймала машину.

Довезли меня до самого центра, до башни. Кроме нее посмотрела храм и поместье Мередины. Прошла по городу. Он совсем маленький, всего несколько улиц. В центре – рынок. Домики в основном частные. У всех основание из кирпича или глины и уже на него надстроен сам дом из дерева. Яркие дома с резными окошками и воротами. Сгоревшее здание школы. Вдохновилась эстетикой обшарпанных стен, дыр в крыше и остатков советской эпохи. Спросила у местных пенсионеров, как добраться до вокзала. Сказали, что это очень далеко и пешком я не дойду.

– Насколько далеко? Час, больше?

– Нет! Быстрым шагом минут двадцать...

По пути мне попался заброшенный спорткомплекс с олимпийскими кольцами на заборе и мишкой на воротах. Дошла до ж.-д. вокзала, там же и автобусы. Но решила идти на трассу, т. к. навигатор показал, что до нее всего 200 метров.

Но GPS прочертил мне путь через железную дорогу и поле, равномерно покрытое снегом глубиной выше человека. Когда я это увидела, поворачивать назад было поздно. Пришлось ползти на коленях, чтобы не провалиться в снег. Во-

дитель поломанного КамАЗа сжалился надо мной. В его машине я немного обсохла под песни солнечных народов Средней Азии.

Дальше все ехали на Тагил, а мне нужно было до Качкана-ра. Застопила Ford, в котором ехал одинокий и, видимо, бо-гатый парень. Он был в новеньком выглаженном костюме, и остановился как раз когда я любовалась придорожными туа-летами. Мы договорились ехать до вокзала, ибо машин на Качканар идет мало. Он провез меня по всем достопримеча-тельностьностям, рассказывая про каждую. Вот завод, на котором плавил железную руду, и из-за этого из него шел красный дым. Здесь сделали первый в России паровоз и первый танк. Тагил раньше входил в топ-5 городов, после Москвы, Пите-ра, Екб и Новосибирска. Мне захотелось про него написать целую статью и дать ему свою визитку. На вокзале я вылезла и направилась к кассам. Электричка отправлялась в 16.25. Сейчас 14.00. Стоит 140 р. У меня с собой 110 (40 р потра-тила на маршрутку) и еще экстренная сотня из НЗ в кошель-ке. Паспорт забыла. К тому же я не хочу торчать 2 часа на вокзале.

Пошла на автостанцию. Здесь все еще хуже. Билет в Кач-канар стоит 360 р, автобус в 16.25. Можно доехать до первой остановки и дальше стопить. Но первая остановка в нижней Туре и до туда 220 рублей.

Купила билет до верхней Туры на 15.25 за 170 рублей.

Доехала в 16 50. Досада в том, что водитель ехал не по

трассе, как я думала, а через проселочные дороги. В деревне я дождалась маршрутки и доехала до развязки за 18 р.

Итого 230 р даже с учетом автостопа.

Место на развязке плохое, куча поворотов. Застопила легковую, которая ехала в Верхнюю Туру. Знаками объяснила, что мне прямо. Прошла немного дальше. Села в КамАЗ, который возил лес с горы. Завернул на Горноуральске. Следующая машина довезла меня до развязки на Качканар, где я поймала КамАЗ почти до самого города. Встав на поломанную ступеньку, я зацепилась рукавом пуховика за дверь и порвала его. Ехали долго и медленно. Уже начало темнеть. Водитель был вежливый и интересный. Он часто подвозит тех, кто едет в монастырь, и узнает от них новости. Мы договорились, что он заберет меня на обратном пути и довезет до Тагила. Я оставила свой номер.

Не успела я выйти из машины – на обочине остановилась легковушка. В ней два парня, один явно пьяный. Они ехали в деревню под Качканаром и думали, что я знаю дорогу.

– Ты к кому едешь?

– К буддистам.

– К мудистам! – залились хохотом мужики.

Высадили на объездной. До города дошла пешком.

В Качканаре первым встречным человеком оказался добрый дедуля с обледеневшим советским авто. Попросила подсказать дорогу. Он ответил, что лучше подвезет меня до автобуса и договорится с водителем.

– Я сам в этот монастырь ходил, когда трудности в жизни были, ну, Вы понимаете...

Дед сидел в водительском кресле и царапал по стеклу голыми пальцами, пытаясь сковырнуть намерзший слой льда. Я помогала ему, делая то же самое.

– Ладно, авось увижу, доедем.

Доехав до стоянки автобусов с надписью "Западный карьер", я пересела в салон, как только водитель открыл дверь. Пару минут успела понаблюдать огненный закат, который не загоразивали дома. Ровная желто-оранжевая линия между белой землей и туманным небом. Будто рассеченное напополам тесто, из которого вытекает горячий металл.

Водитель автобуса окончил маршрут. С десятка полтора рабочих, все в черной одежде и с землисто-серыми лицами, выражающими усталость, толпой пошли к двухэтажному зданию. Мне надо было в гору. На улице совсем стемнело. Я вышла, включила фонарь. Водитель остановил меня:

– Не страшно? Идти ночью в гору? Давай я тебя до вокзала довезу, там переночуешь!

– Чего мне бояться? Ведь в горах нет людей.

Странные люди. Они думают, что на вокзале, населенном бомжами и ворами, будет безопаснее, чем в лесу. Парадокс. В лесу спокойно. С людьми же каждая секунда – стресс. В лесу меня защищают горы.

На горе Качканар

Итак, я поднимаюсь ночью в неизвестную мне заснеженную гору по следам, освещая путь фонарем. Дорога заняла три часа. Где-то на середине пути, повернув со смотровой площадки, встретила парня с санками. Это Гриша, которого отправили мне на подмогу. С ним, коротая путь разговорами, добрались до монастыря. Несколько раз делали привал. Пили чай из термоса.

Мне спокойно в лесу. Так бы и стояла часами, наслаждаясь свежим воздухом и тишиной.

Вошли в помещение. За длинным низким столом на полу сидели несколько мужчин и две женщины.

Старший обратился ко мне:

– Что привело тебя ночью в мужской монастырь?

– Разве мужской?

– Вообще это не мужской и не монастырь. Здесь нет монахов.

Оказалось, монах только один – старый военный, КГБшник, отслуживший 8 лет в Афгане. Русский мужик. Но теперь – Лама Докшит. Постоянно курит "Приму". Остальные – его послушники. Всего человек шесть. Они рубят дрова, варят еду, таскают воду, топят баню и так далее.

Рассказала, как сюда добралась. Лама сказал: “ты дура.

Прости, не дура, а смелая и отчаянная женщина”.

Когда его спрашиваешь о смысле жизни, просветлении и всём таком, он несколько раз спросит, зачем тебе это, и так и не ответит. А если ответит, ты поймешь, что тебе это не нужно. Есть у него такая насмешливая хитринка в глазах. когда в уголках глаз появляются гусиные лапки.

Отдала олады, которые уже спрессовались. Меня накормили гречкой и чаем. Почти сразу легли спать. Спят здесь на полу, на пенках, в спальниках. Все в одной куче: и мужчины, и девушки. Планируется отдельное помещение, плюс отдельное для туристов. По идее монахи вообще не должны спать и сидеть за столом с туристами, но сейчас нет отопления, и везде очень холодно, кроме этого зала. Здесь стоит печь. Ночью работники договариваются, кто подкидывает дрова по часам. Я пару раз просыпалась от холода. Лежала почти без сна. Встала, когда один из рабочих громко бил во что-то металлическое. Подъём!

Начались утренние дела.

Монахи собирают спальники, делают зарядку и идут по делам.

Мне показали, где находится туалет.

Нужно выйти из комнаты в предбанник, идти через узкий коридор, выйти на улицу через снежный коридор, и на самом обрыве найдешь возведенный сортир. "Можно поссать в карьер, если ветер дует не в морду".

Сегодня поднялся сильный ветер. Меня чуть не сносило.

Репортеры с канала "Дойче Велле" снимали рассвет. Оператор заснял солнце, ритуалы, алтарную, кухню и интервью с Ламой, а журналистка честно дрыхла до одиннадцати утра. Мне тоже досталось: повели снимать обряд хождения вокруг ступы.

В восемь утра позавтракали рисом. Познакомилась с поваром-кавказцем Сашей, удивительно сочетающим в себе знания о медитациях с манерой общения гопников. Мне нравится его юмор.

Вышла девушка. Полненькая, светлые волосы до плеч, в красном свитере. Ее зовут Света, Лама дал ей имя Сатима. Это затворница, которая десять лет тут живёт. Они разговаривали с Сашей, Сатима его журила за проскальзывающие матерные слова, а он отшучивался:

– Что греховного в букве "х"? И "хер" – это старое название буквы "Х".

Затворница взяла валик для чистки от кошачьей шерсти и попросила одного из мужчин почистить ей спину. Взяв в руки валик, послушник шлепнул ее по заднице.

– А что вы едите?

– Чё приносят, то и едим! – признается Саша. Никаких запретов на мясо нет. Но кошкам мяса не дают, а манную кашу они не едят.

– Есть ли у монахов дедовщина, типа, дембеля, духи?

– Как видишь, есть.

Самого молодого гоняют больше всех работать, а он оби-

жается.

Связь у них есть: один телефон с подключенным усилителем сигнала. Но снимешь трубку – сигнал пропадает. Есть ветрогенератор, но он сломан. Есть ноутбук с автономным питанием и вай-фаем и розетки, но доступ только избранным. "Старожилы" используют комп для флэш игр, а мне не разрешили даже телефон зарядить, чтоб связаться с мамой, написать пост, сделать фото и другие важные вещи. Я осталась без связи с разряженным телефоном.

Лама хочет построить дирижабль и облететь вокруг света. Совсем не похоже на буддизм, где главная идея – отказ от всех желаний. А еще у него жена есть, которая тут живет. Молодая девушка Маша, лет двадцать, а ему шестьдесят.

Проснулась журналистка. Взяли у Ламы интервью, спрашивали по поводу конфликта с лесничеством.

– Что Вы будете делать, если вас снесут?

– Ничего. Я не буду уходить. Сопротивляться тоже. Они не знают, что можно сделать бомбу из бутылки "Фейри". (бывший солдат рассказал, как при помощи химического состава моющего средства испортить электропитание всего лесничества, без которого оно быстро загнетя).

Занятный мужик... и при этом глаза такие добрые.

Интервью взяли так же у Маши. Поставили свет и камеру, заставили всех заикнуться.

– Скажите, Вы жена ламы?

– Жена... ладно, пусть будет так. Мы говорим о буддизме,

а личная жизнь – это личное дело.

– Что для Вас буддизм?

– Для меня это не религия. Это способ жить осознанно.

Сатима села плести браслеты из тесемок, которые привезла из Таиланда. Она вяжет растаманские шапки, носки и тапки. Говорят, так ей собрали денег на обучение в Индии. В России нигде не посвящают монахинь, только в Индии есть беженцы с Тибета, плюс там она будет изучать тибетский язык. Еще один парень уехал в Непал учиться, один в Гималаи. Так, будет четыре монаха, и они смогут посвящать других.

Приехали два парня с Екатеринбурга. Один ходил без майки постоянно, несмотря на холод. Много знал про буддизм, говорил, что в Непал едет.

15.20. Репортеры уехали, прихватив на хвост Сатиму. Лама взял свиту и спустился вниз – за бензином. Остались только Саша, Гриша, двое приезжих и я. Пошли топить баню. Меня загнали в баню первую и сказали выйти быстро. Несколько раз. Я поняла, забежала в баню, разделась, обтерлась и вышла. Возвращаюсь.

– Вы чего не идёте? Вы ж сказали, быстро...

– Для девочек быстро – это медленно – отвечает Саша.

Вообще, я б с мужиками ходила. Одной не в кайф, еще и торопишься, чтоб не остыла баня, да и вообще – не поговорить.

18.00-21.00. Парни с Екб, с которыми я договорилась

уехать, свалили втихушку. Не позвали. Пришли два бизнесмена. В туфлях, костюмах, при параде... на гору... все были в шоке. Первый уехал быстро, второй сидел два дня. Общался с Сашей и отказывался уезжать, пока всё не узнает.

Несмотря на висящее под стеклом расписание, распорядка дня нет. Нет заявленных лекций, т. к. стройка и все дела, никаких совместных практик, никто никого не учит. Кто хочет – самостоятельно все, вот книги, вот комната для медитаций. Может, я в такое время попала...

Сходила в алтарную. Пыталась медитировать. Холодно – жуть! Из рта пар идёт. Только на второй раз мне удалось абстрагироваться от холода и аккумулировать тепло внутри себя, не обращая внимание на остывающее тело.

Тагил рулит!

Подъем здесь в шесть утра. Позавтракав манной кашей, пытаюсь уехать. В обед ломанулись толпы туристов – человек сорок. Первая группа – из Тагила. Такие мужики из комедийных сценок шоу “Наша Раша”, то и дело кричащие “Тагил рулит!”. Они достали водку, поставив прямо на стол, где едят монахи, и стали разливать спиртное по рюмкам.

– Разве здесь можно бухать? – интересуюсь я.

– Вообще-то нельзя – отвечает Саша. Туристы мучили меня расспросами: “Сколько тут живешь? Год? Два месяца? Монахини у вас есть? Их постригают?”

Пришел на помощь Саша:

“Женщинам не обязательно, но у нас постригают, чтоб мужики не смотрели. Потому что у нас бабы с мужиками живут, а бритая баба страшная, на нее смотреть не хочется.”

От веселья и шума я поспешила скрыться в кабинете. Пузатый сорокалетний пьяный мужик, описывающий хороводы по монастырю в раста-шапке – уморительное зрелище... С радостными возгласами “А теперь пойдём на верблюда смотреть!” толпа удалилась куда-то за здание. Я вышла из своего убежища на улицу, подышать свежим воздухом.

– А Вы чего не идёте смотреть на верблюда? – интересуется у меня женщина из Тагила. Я ничего не ответила, толь-

ко с сожалением на неё посмотрела.

Приехала группа хипстеров, среди которых был парень с дредами.

Я: – о, наконец нормальные люди.

С: – да ты че, это, наоборот, уёбки.

Люди повалили как снег на голову. Из Тюмени, Перми, Екб и всех окрестных деревень. Все приносили угощения: хлеб собственного изготовления, фрукты, шоколад, печенье. Еды хватило бы на месяц. Саша рекламировал сувениры.

Меня звали пожить в монастыре некоторое время, пока Сатимы нет. Но отрешиваться от мира и уходить в себя нельзя. Мне нужно еще многое увидеть и многое рассказать. Я еду дальше. В Монголию.

Глава 3. Бедный Омск

20 февраля. Меня разбудила симпатичная проводница с рыжим боб-каре. Я дочитала "Хроники заводной птицы" Мураками, слезла с верхней полки, сходила в туалет, пока его не закрыли на сан зону. Туалет очень долго был занят – минут пятнадцать. Девушка мыла там голову. Я же не успела зайти, как в дверь стали ломиться.

Сесть было некуда. Внизу в боковой и купейной части ехали три пожилые женщины. Все спали. В следующем отсеке ехали два деда, которые не затыкались всю дорогу. Я спустила рюкзак, используя голову в качестве точки опоры. Собрала свой огромный багаж: спортивная сумка, ноутбук в чехле, пакет, женская сумка на плечо. Со всем этим дотащилась до остановки, где села в автобус 69. Открыли только центральную дверь. Я встала в нишу в центре салона. Кондуктор, почему-то в фирменной куртке с нашивкой "Почта России" неторопливо прошел по рядам, собирая мелочь за проезд. Все платят наличкой. Никаких карт или проездных. Проезд стоит 22 рубля.

Въехала, точнее, вляпалась в Омск. Путь в центр по одной прямой улице занял пятьдесят минут. Всего шесть остановок. Пробки адские. Таких пробок нет даже в Москве. С другой стороны, куда спешить, если ты в Омске?

Несмотря на разгар дня, город погружен в сумерки, будто сейчас пять-шесть часов вечера. Небо закрыто плотным куполом дыма, сквозь который не пробиваются лучи солнца. Фонари горят круглосуточно, машины не ездят без дальнего света фар. Дышать трудно.

Город задыхается от транспорта. Омску позарез нужно метро или хотя бы скоростной трамвай. От скуки считаю маршрутки на встречной полосе. У остановки "Площадь Ленина" столпились шесть маршруток, через десять метров куча уже из девяти микроавтобусов. На остановках никто не заходит и не выходит. Водитель чуть тормозит, открывает дверь и тут же закрывает. Не успел приготовиться к выходу – сам виноват. Людей в салоне почти нет.

Дороги лучше не стали. Даже асфальта не видно под слоем коричневой грязи, размазанной колесами бесчисленных машин.

Вывеска "Омские продукты" наполовину перекрыта другой, как наспех сшитое лоскутное одеяло. Реклама – с опечатками и ошибками. Крупные белые буквы окаймляют синюю крышу автобуса.

На самом деле больно и грустно смотреть на всё это. Хочется сжечь Омск, не из жестокости, а из чувства гуманности и сострадания, и построить нормальный город. Хочется кричать от боли и плакать навзрыд. Единственное развлечение здесь – считать, сколько раз захотелось умереть по дороге домой. Я видела много мест, много городов. Даже на су-

ровом Урале жить лучше. До слёз жаль город и людей, которые тут вынуждены доживать.

Из автобуса я попала в сугроб, и пришлось волей-неволей, со всеми баулами, преодолевать снежное препятствие. Пока шла до дома, никто не вызвался мне помочь. Все только глазели, как на чудо инопланетное.

Открыла дверь подъезда. За дверью оказался мужчина, который никак не хотел отходить в сторону, даже когда я его об этом попросила. А я стою с тяжелыми сумками. За мной вошла очень пьяная плохо одетая женщина, похожая на бомжа – моя соседка. Поднимаясь по лестнице, она орала: “Суки ебАные! Пидара-а-сы-ы! Бля-ядь!” Для меня это было шоком. Да, я успела отвыкнуть от омского хамства, ругани и злости. После культурного Петербурга, где даже пошлют интеллигентно, меня коробило.

Распаковала вещи. Зачем мне столько барахла?

Окно закрыто жалюзи и завешано плотными шторами. Я открыла его и наткнулась на металлический лист, загораживающий обзор. В Омске люди закрывают окна плотно, чтобы не видеть грязный, замызганный город снаружи, и не слышать доносящихся с улицы матерных криков. Я закрыла окно и включила свет. Выходить из комнаты нет ни желания, ни нужды.

Глава 4. Казахстан

Дорога продолжается. И вот что я беру с собой, учитывая, что домой не вернусь как минимум год.

- атлас дорог России и ближнего зарубежья
- запасной мобильник
- фонарь
- крем, спрей для носа
- дорожные спички, зажигалка, горелка и газ
- записная книжка, ручки, маркеры, скотч, канцелярский нож,
- зеркальце, расческа.
- USB-модем, флешка, фотоаппарат, карт-ридер, зарядка, монопод, power bank, автомобильное ЗУ
- спальник и пенка
- термобелье и кофта
- три пары носков, трусы

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.